

Анатолий Заботин

В памяти и в сердце

Воспоминания фронтовика

Анатолий Федорович Заботин Александр Анатольевич Заботин В памяти и в сердце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18921140

Аннотация

Эту книгу воспоминаний написал мой отец Заботин Анатолий Федорович. Родился он в 1916 году и умер в 2008-м, на девяносто третьем году жизни. Даже ослабев физически в последние дни жизни, отец сохранял ясный ум и твердую память. А память у него была необыкновенной. Он не записывал номера телефонов, адреса и очень удивлялся, как это можно не знать даты каких-то знаменательных событий (он работал учителем истории) или биографические подробности, имена и отчества, даты жизни множества писателей и художников.

Помню благодарственное письмо от редактора одной из книг серии «ЖЗЛ», в которой отец нашел ошибки. Ее как раз готовили к переизданию.

Особенно четко отпечатались в его памяти годы войны. «Я могу точно сказать, где был и что делал в каждый из проведенных на фронте дней», – говорил он. Мы пытались проверять, задавали вопросы и убеждались, что так оно и есть.

Готовя к публикации эту книгу, я находил на карте упоминаемые отцом населенные пункты, и уже не просто

география, а сама неумолимая, жестокая логика войны вставала перед глазами. Посмотрите и вы, как близко к железной дороге на Мурманск шли бои в Карелии. А это та артерия, по которой проходили поставки по ленд-лизу. Нет, не зря навсегда ложились в замороженный снег друзья моего отца!..

События, описанные в книге, давно стали историей. А история за себя постоять не может, вот ее и поворачивают, как дышло, то в одну, то в другую сторону. Живое свидетельство рядового участника этих событий может помочь лучше понять то время. А кто-то, возможно, найдет в этой книге фамилии своих родных, узнает, как они погибли. Недаром говорят, что люди живы, пока жива память о них...

Александр Заботин, 2011 год

Содержание

Мои деды и прадеды	6
Орлик	13
От школьной парты к учительскому столу	24
Конец ознакомительного фрагмента.	40

В памяти и в сердце

Мои деды и прадеды

Небольшая затерявшаяся среди полей деревня Ямные Безрезники – моя родина. Просторный дом с тремя окнами на юг. Резные наличники. За двором фруктовый сад. Отменные сорта яблок. Кто и когда построил этот дом и развел сад, обо всем мне поведал сосед старик Иван Федорович Куликов. Прожил он большую жизнь, многие события в деревне на его памяти. Хорошо знает всех моих дедов и прадедов. Фамилия моя, Заботин, берет начало с Василия Филипповича и его жены Василисы Ильиничны. По рассказам соседа-старика их зять Иван Федоров попал в рекруты. И был неплохим воином. В каком-то бою отличился и был награжден солдатским Георгием! И он им гордился, постоянно носил на груди. Не будет лишним привести рассказ, как он заставил урядника унизиться перед ним, храбрым георгиевским кавалером.

В те годы в деревне при въезде были ворота, и круглые сутки закрыты. Прошел или проехал на лошади – ворота за собой затвори. Такой неписанный закон. Бывший солдат в родной деревне был сторожем. Вечером, как рассказывает сосед-старик, он подошел к воротам проверить, хорошо ли затворены. И тут со стороны Симбилей на тройке подъехал урядник. Грозно на него: «Отворяй!» Но георгиевский кавалер, пусть и сторож, однако знает себе цену. Спокойно сказал: «Не отворю!» Урядник в гневе на него: «Запорю! Отво-

ржай!» А Иван Федоров распахнул полушубок, и тот застыл в изумлении. На груди сторожа – Георгиевский крест. Урядник поклонился, отворил ворота и сам же их затворил.

Видно, сильно поразила односельчан эта история, если вспоминали о ней и рассказывали в подробностях через семьдесят лет. Сколько воды утекло, несколько поколений сельчан сменились – а память осталась.

После, спустя много лет, в Нижегородском архиве я нашел подтверждение словам старого односельчанина. Проследил свое родословие до середины XVIII века. Родился Иван Федорович в 1803 году. В 1829 году, когда его забрали в солдаты, у него уже были дети. Остались они на попечении матери Натальи Васильевны и деда Василия Филипповича.

Всех кормить, поить, обуть, одеть надо. Одним словом, забот полон рот. Вот и прозвали Василия Филипповича – Забота. Впрочем, рассказывали в деревне и другую историю. Деревни и села горели в то время часто. И сгорали дотла. Огонь за считанные минуты пробежал от одного конца деревни до другого. И вот в один такой пожар, видя, что огонь скоро доберется и до его дома, вскочил старик на коня да наметом в соседнее село, где продавался новый сруб. А то потом не укупишь. Возвратился домой – ан дом-то его цел. Ветер сменился или Бог отвел...

По одной ли, по другой ли причине, а может, по обеим сразу, но прозвище Забота крепко прилипло к деду Василию. Даже в церковные книги попало. И внуки его были уже Забо-

тины. А отец их, прослуживший почти тридцать лет (вернулся после 1858 года), Заботиным еще не был. В книге записей умерших за 1869 год написано: «Воин Иван Федоров. Причина смерти – от старости. Священник Преображенский».

Еще задолго до моего рождения ушел освобождать Болгарию от турецкого ига родной брат моего деда Егор Дмитриевич. Бои были нелегкими. Где-то там, в Болгарии, и сложил он свою голову.

И еще один защитник Отечества – по материнской линии. Яков Кириллович, из села Горные Березники. Дед моей мамы. В составе своего полка участвовал в обороне Севастополя в 1855 году. Вернулся домой живым.

* * *

В раннем детстве близких друзей у меня не было. Мальчишки были все старше и озорные, драчуны. Подойду к ним, они меня отлопают. Я со слезами иду домой. Мама в тревоге: «Ты что? Кто тебя?»

– Вон они! – с гневом скажу я и от досады покажу кулак.

– А ты не ходи к ним! Не ходи! Пойдем со мной к Гараниным.

Гаранин через дом от нас. И приходится нам по родству. И потому были у них часто и шли смело.

Хозяин дома Иван Львович – человек интересный, состо-

ательный. Служил на флоте. Побывал в Египте, во Франции, Англии, повидал всего много. Любил музыку. У него было, как он иногда говорил, «чудо». Для всей деревни диво. А чудо всего-навсего – граммофон. С каким же любопытством рассматривал его дед по прозвищу Малыш. Никак он не мог понять: человека не видно, а голос его через трубу слышит.

Еще большее любопытство вызывал граммофон у меня. Огромная, изящно сделанная труба. Когда первый раз я его увидел и послышался из нее мужской голос, я от неожиданности напугался и отбежал в сторону.

Ни граммофон, ни его песни не могли так увлечь меня, как книги. Целый набитый до отказа шкаф. Тут старые журналы «Вокруг света». Толстые, в переплетах книги. Иван Львович позволил мне свободно копаться в них. Вначале, когда я еще не умел читать, разглядывал картинки журнала «Вокруг света». Тут были не только снимки, но и картины мастеров живописи. Все это было мне, мальчишке, не сидевшему еще за партой, интересно, познавательно.

Когда я научился читать, узнал Толстого, Пушкина, Никитина, Кольцова. Если мальчишки, мои одноклассники, кроме как «Жил-был у бабушки серенький козлик», ничего не знали, то я уж наизусть выучил стихи Пушкина, Майкова, Тютчева. Особенно мне пришлись по душе стихи Никитина «Утро», «Степь».

На каждое время года есть стихотворение. Лето: «Пахнет сено над лугами. Песней душу веселя, бабы с граблями ря-

дами ходят, сено шевелят».

Тут как не вспомнить время сенокоса. Все – старики, дети – в лугах. Как правило, начинали косить с основных лугов с названием Подвалье. Пестреют разноцветные наряды. Мужики в длинных холщовых рубахах, обуты в лапти, бабы – в сарафанах с борами. А девки – те нарядны, ходят по полю с граблями.

Мама подняла меня рано утром. Отец умылся и только успел перекреститься, как и я с сонными еще глазами тянусь к умывальнику. Мама заранее приготовила мне новенькие холщовые портянки, а отец – сплетенные из лыка небольшие лапотки. На сенокосе в мою обязанность входило вал скошенной травы отвалить от нескошенной. Чтобы легче идти следующий ряд. И, по отзыву отца, свои обязанности я выполнял неплохо.

Сели отдохнуть. Мужики у баб берут косы. Точат их, слышится «жив», «жив», «жив». А тем временем на краю деревни замелькали белые платки. Хозяйки-стряпухи спешат на покос с завтраками. И у любопытных все внимание им, стараются угадать, чья хозяйка заботливее.

Второй пай не начнут косить до тех пор, пока все не съедят принесенный им завтрак. Семьи, где мало косцов, заканчивают последними. Но их ждут без пореканий.

Больше всего мне по душе зима. Осенью дождь, сыро. Если не в поле, то дома сижу у окна. Хочется на улицу, но куда там! Мама разве пустит. Другое дело зимой. Солнечно, лег-

кий морозец. После школы дома не сидится. Скорее, скорее на улицу. Сани в руки и на гору, на Венец – уж если развлечься хочется получше, так только там, на Венце. Горы выше нигде не сыскать. Высокая и не крутая. Лыжня на версту тянется.

Больше всех впечатлений от зимы – масленица. Целая неделя праздника. Катание на лошадях. В те годы в редком доме не было лошади. У более состоятельных мужиков имелись специальные выездные сани.

Детвору катали на розвальнях. Обоз в двадцать–тридцать подвод медленно «плывет» по центральной улице. Перед концом деревни обоз поворачивают и обратно до следующего поворота у школы. И так целый день. Мальчишки, те, что постарше, перебегают с одной подводы на другую. Ради баблства отстегивают вожжи.

Все дни масленицы отец доверял мне нашу Голубку. Голубка шустрая, непослушная молодая лошадь. При повороте обоза у школы, увидев свой дом, не раз случалось, оставляет обоз и бегом домой. Отец пожурит и снова проводит ее в обоз.

Масленица – развлечение не только мальчишек. Старики, старухи сидят на завалинке у дома Никифоровых и глаз не сводят с веселящейся молодежи. А в центре деревни, у часовни, собрались любители песен. Тут и Павлина Воронцова, Гаранин Иван Ефимович с дочерью Анной. Провести хоровод, пропеть любимую, хороводную песню «Вдоль да по

речке, речке по Казанке» любила и наша мама. У нее приятный, певучий голос. Недаром в Троицын день, когда бабы на лужайке у школы водили хоровод, мама была запевалой.

Деревня у нас небольшая, но и в ней были свои таланты, яркие личности, сильные оригинальные характеры. Лев Андреевич Гаранин развел фруктовый сад. Каких только сортов не было. Всех, кто к нему приходил, угощал и разрешал взять с собой. После смерти похоронили его на почетном месте – у алтаря церкви в Горных Березниках. Там же была могилка и первого учителя Горно-Березниковской школы Василия Васильевича Виноградова.

Егор Степанович Вахромеев – известный силач. Правда, нет ли, рассказывали, будто когда зимой у Льва Андреевича Гаранина лошадь из сил выбилась, Вахромеев выпряг ее, взялся за оглобли и сам воз потащил. Может, в чем-то и прихвастнули очевидцы, но только у Вахромеевых вся родовая такие. Его сестра Евдокия (в деревне Дуняшка Хромова) легко поднимала в телегу мешки с зерном.

Помню еще одного огромного старика с длинной белой бородой. Беспалов Иван Макарович. В деревне звали его Большой. Когда был в полной силе, ходил бурлаком по Волге.

Орлик

В двадцатые годы кому-то из наших мужиков пришла в голову благая мысль: «Хватит ездить на клячах, пора и на рысаках покататься». Мысль эта пришлась по душе многим. Отец мой, Федор Степанович, покоя лишился. С каждым владельцем лошади только и разговор о рысаках. Машенькин Степан Павлович, страстный любитель быстрой езды, идею разведения рысаков взял в свои руки. Вскоре, той же зимой, в деревню из госконюшен привели двух производителей-жеребцов.

У отца в те годы была нестарая, шустрая кобыла по кличке Голубка. Та, на которой я еще малышом катался на масленицу. Быстрая в дороге, кнута не требовала, но и порок имела такой, что не раз выводила отца из равновесия. Загуляется и хозяина не признает. Как ни зови – не подойдет. Особенно обидно было, когда она задурила в период сенокоса. Сбежали они с ховрониным меринком по кличке Мальчик. Пора гнать в луга за сеном. У всех лошади в упряжке. А ни нашу Голубку, ни ховронина Мальчика нигде не могут изловить.

Скошено сено в лучшем лугу, в Подвалье. Подъезжай на телеге и навивай. Но с давних пор порядок заведен строгий. Выезжать за ворота и навивать сено только тогда, когда соберутся все. Кто не готов – ждут. Соберутся все и уж тогда

по сигналу в обгон друг друга мчатся к своим копнам. В тот день ждали нас. Долго...

Отец жаждал увидеть жеребцов-производителей. Соседа Куликова не раз спрашивал: «Что там Степан Павлович жеребцов нам не показывает?» А у того ответ один: «Он им не хозяин. Из госконюшен представитель здесь. Тот мужик солидный. Шуба на лисьем меху. Каракулевая шапка-ушанка. И все дни у Машениных. Смотрит, где его кони будут жить. Чем кормят их. Во что запрягать. Слышал я, завтра запрягут. Покажут нам. Обоих».

Обрадованный этой вестью, отец вышел во двор и с Голубкой как с человеком разговаривает.

– Завтра я тебе жениха буду подбирать. Не ты, а я! Плохого не выберу. Уж, коль мне по душе, понравится и тебе, Голубушка! И тебе! Понравится!

Такой ласковый разговор у отца со своей труженицей случается нечасто. И Голубка рада столь редкому случаю.

Слух, что жеребцы-производители вот-вот появятся на дороге, разнесся с небывалой быстротой. И деревня как в праздник...

Отец надел новый черный полушубок, праздничную шапку-ушанку, расческой прошел по тронутой сединой бороде, бросил взгляд в зеркало, маме сказал, что скоро не придет.

У собравшихся все внимание к дому Степана Машенина. Из его ворот должны выехать красавцы-кони. А ворота всё закрыты. В толпе слышится ропот. Кто-то говорит: «Совра-

ли! Тряхнуть бы того, кто слух пустил». Наконец послышался скрип. Ворота отворились. И вот они, красавчики, направляются к дороге. Идут, как бы слегка приплясывая. Ездовые их сдерживают, натянув вожжи, не дают им воли. Толпа зашевелилась. Слышится одобрителный говор: «Хороши! Хороши! Чудо кони! Чудо, да и только!»

На конце деревни ездовые повернули коней обратно и дали им волю бежать.

Я вижу отца. Хотел пробраться к нему ближе. Какой-то здоровый дяденька схватил меня за шиворот и вытолкнул из толпы, при этом с гневом бранился: «Куда, сопливец, лезешь. Аль не видишь, задавят!»

На радость мужикам, мимо них кони промчались еще несколько раз и направились к дому Степана Павловича. Мужики нехотя стали расходиться по домам.

Вечером пришел сосед. Откормил скотину и не переодеваясь – к нам. И как всегда вперед не проходит, садится на лавку у двери. Первые слова обращены к отцу:

– Ну, как? Которого облюбовал? Отвала или Динамита?

– Хороши оба. Но сердце больше лежит к Отвалу, – отозвался отец. – Фигура его что стоит! Весь стан как выточен! Он и при беге красив. Сколько ни гляди, не устанешь!

– Я тоже так думаю! Поведем своих маточек к нему, к Отвалу.

И с того вечера отец по-иному стал смотреть на Голубку. Не стало у него того гнева, что был раньше. Лишнюю охапку

сена бросит, в колоду и овса ведерко высыплет. А разговаривал с ней как с лучшим другом. Не повышал голоса, называл ее Голубушка милая. «Чем ты меня порадуешь?! – иногда спрашивал он ее. – Маточку бы надо! Маточку! Смена тебе. В случае маточку и продать. Она подороже будет, озолотит меня».

Бывало, в базарный день выедет в Константиново. Вся дорога забита подводами. А отец в обоз не вставал. Мчимся мимо. Я отворачивался от ветра, закрывал воротником лицо. Отец только покрикивал: «Эй, эй! Посторонись Не задавить бы!»

Сосед Александр Иванович, что ни вечер, у нас, на своем обычном месте, на лавке у двери. И весь разговор у него с отцом о лошадях. За свою кобылу по кличке Ветка он стал беспокоиться:

– Стара моя кобыла! Не обойдется!

Отец как мог успокаивал его:

– Уж не так она стара! – говорил. – Есть лошадь и в пятнадцать годов, а весной, глядишь, с жеребенком.

Беспокоило соседа то, что его Ветка не доморощена, а куплена на базаре. А на базаре могут и обмануть! Возраст убавят. Водил он свою Ветку к Отвалу раньше, чем отец Голубку. И успокоился только тогда, когда убедился, что его Ветка жереба. Тут он повеселел. Смеялся надо мной, как я, катаясь с горы, часто падал. «Что уж это ты с горы скатиться не можешь. Обязательно кувыркаешься».

Отец всю зиму оберегал Голубку. Быстро, как раньше, не ездил. Поедет на мельницу – прикинет, не тяжело ли? Однако запрягал ее часто. Так просто, для проминки. В хлеву всегда убрано. Настелена свежая солома. Поил всегда теплой водой. Пить давал столько, сколько выпьет.

– Пей, Голубка! – говорил он ей. – Выпьешь, еще принесу.

Перед тем как ей жеребиться, он потерял всякий покой. Ночью часто вставал. Выйдет, посмотрит. Убедится, что Голубка стоит у яслей, хрупают сено, снова в постель. Фонарь всегда наготове. Зажжен, висит в сенях, только слегка при-тушен.

Отец беспокоится. Не сомкнет глаз и мама.

– Ты полежи. Усни, а я погляжу, – сказала она.

– Нет уж, я сам! – отверг он ее предложение. Накинув на плечи старый пиджак, вышел во двор. И на этот раз в избу вернулся с радостной вестью: «Все, мать, ожеребилась. Слава богу. Стоит, облизывает его. А тот фыркает, головку поднимает. Видел на лбу звездочку». Мама перекрестилась. Отец тоже.

Утром я проснулся и глаза еще не протер – скорее во двор посмотреть жеребеночка, что подарила нам Голубка. И вот он передо мной. Маленький. Матери по брюхо. Ножки тонкие. Головку тычет к вымени. Голубка смотрит на него, лижет. Как бы хочет что-то сказать ему, но не знает слов.

Не могу отвести глаз. Захотелось войти в хлев, погладить его. Но побоялся.

В деревне все кобылы ожеребились. Не больше десятка. Одна без жеребеночка только – у Фомича. Принесла мертвого. «Не сберег», – говорили мужики.

Настала пора вывести их из тесных хлевов на улицу, пощипать травку. Наша Голубка греется на солнце, соседская Ветка тут же. Рядом с ней и Александр Иванович. Стоит у крылечка, любитесь.

Я донимал отца одним вопросом: как будет звать жеребенка? А отец не спешил. Он объяснил мне, что кличка нашего жеребчика должна начинаться с буквы «О». Жеребец Отвал, первая буква «О». С буквы «О» должна начинаться кличка и его потомства. И я стал придумывать: Орел, Отважный, Особый, Огонек. Что ни предложу, отец отвергал. А как бы хорошо назвать Огонек. Наконец предложил кличку Орлик. Тут отец согласился, и с того дня стал он у нас Орликом.

У соседа кобылка – Отрада. У Машенькина Семена Павловича (брат Степана Павловича) – Отмена. Три лошади, три подруги – с одной улицы. Я часто с товарищем отводил их в ночное. Порой с криком: «Грабят!» Тут уж они мчатся что есть силы. (Так в деревнях приучали лошадей. В дальней дороге в извозе всякое случалось, и порой лишь быстрые ноги крестьянских лошадей спасали их хозяев.) Если бы увидел отец, наверняка отчитал бы меня, да так, что в следующий раз не захотел бы и в ночное ехать.

А зачинщиком столь смелой езды верхом был мой сверстник Павлушка, сын Семена Машенькина. Ну и бесстраш-

ный! Я не без содрогания сидел на хребте Голубки, а ему удовольствие. Мчится во весь опор, показывая сельчанам свою удаль. В одной руке повод, другой нахлестывает лошадь. В армии он изъявил желание служить в кавалерии. В декабре 1941 года при защите Москвы был в корпусе генерала Льва Михайловича Доватора. Проявлял мужество и героизм. 20 декабря у стен столицы погиб. Погиб и его брат Марк. Но тот погиб на Украине в 1943 году.

С появлением в хозяйстве Орлика жизнь у отца стала куда более интересной. С кем бы ни встретился, о чем бы с ним ни говорили, а об Орлике он лестного слова не минует.

Орлик все это лето от матери ни на шаг. Куда бы ни поехали: в поле, на мельницу, к свату ли в гости, и он не отстает от телеги, а то и вперед забежит. Отцу радость. Еще месяц, другой, и можно будет приучать его к обротке, а потом и к хомуту. Дело это бы несложное, но кропотливое. Не каждый жеребенок, так называемый стригун, легко поддается обротать его. Гуляют с нестриженными гривами, а чтоб остричь – не даются. У соседа Отрада приведена в порядок. Грива острижена, на мордочке обротка. Орлик же и надеть обротку, остричь гриву не дает. Стоит только увидеть ему ремень, как он тут же вздернет голову и отходит в сторону.

Отец с ним как с человеком разговаривает:

– Будешь ты у меня и пострижен, и причесан! Будешь! Не таким же тебе быть, как Хорек у Кошкиных. Тот сам к Пасхе раз в году стрижется. Что говорить о его древнем мерине.

Его всю осень и во двор не загоняют. Пасется на озиме. Снег выпадет, домой придет. Ты же не Хорек Кошкина. Ты Орлик! Ты – краса деревни! Потомок Отвала. И вдруг не ухожен. Мне же стыдно за тебя, чистые крови твои, лихость твоя – гордость хозяина! А хозяин-то я, Орлик. Я хозяин тебе!

Но Орлику что было до его слов. Он по-прежнему задирает голову.

Где мне было знать тревоги отца. А надеть обротку помог. Кошка с комода уронила сахарницу. Комочки рассыпались по полу. В доме я был один. Сахар собрал, но и себя не обидел. Вот уж был праздник у меня. Рука в карман, комочек сахара в рот. Стою у хлева Голубки. Любуюсь Орликом. А в руке то один комочек, то другой. Ради шутки предложил Орлику. А он комочек сахара как слизнул. Тянется за другим. Я не пожалел, дал еще. Он и тот съел. Вечером рассказал все отцу. «Орлик, мол, у нас сладостен, сахар любит». «Как любит?» – спросил отец. И тут я все рассказал ему. Отец той же минутой с сахарницей во двор, к Орлику. А утром вижу – Орлик с оброткой. У отца в руках ножницы. Стрижет у него гриву. А Орлик смирно стоит. Что головка, что ножки – все соразмерно.

И сельчане говорили: «Копия Отвал! В него удался! Он и мастью похож на него!»

Орлик возмужал. Пора его и к хомуту приучать. А как это сделать? Не раз задумывался отец. И тут помогли ему кусочки сахара. Орлику стоило увидеть их, как он, не подозревая

ничего плохого, сам, тянувшись за сахаром, просунул голову в хомут. Отец в восторге. Ему этого только и надо было. Снял хомут только поздно вечером. Стал знать вожжи, дорогу. Хлыста не требовал.

Стоило только тронуть вожжи, как он прибавит шаг, а то и трусцой побежит. И отец решил оставить его, а Голубку продал. Осенью, в Покров, на ярмарке.

Вечером за ужином вспоминали ее. Мама взгрустнула. Говорила, что продать кормилицу поторопились. Еще не один год она послужила бы нам. Продать, так надо было Орлика!

У отца были свои доводы. «Голубка отработала за свой век, – сказал он. – Теперь поработает на нас Орлик. Молодой, здоровый. А что Голубка? Голубка – всё! От нее ни потомства, ни, как в былые годы, быстрой езды.»

Орлик каждый раз, когда он в упряжке, просился пробежать. Пробежать быстро, во всю прыть. Но отец сдерживал его. Пока едет деревней, все время только и знал, что уговаривал: тихо, тихо. Опасался, что может из-за угла нечаянно вывернуться ребенок. Другое дело, когда за деревней. Тут он давал ему полную волю. Мчится Орлик что есть силы. Шлейф пыли. Аж на целую версту. Но отцу больше нравится прокатиться по зимней дороге. И он выезжал очень часто. Благо ехать есть куда и к кому. В Мухоедове шурин Иван Григорьевич. В Симбилеях – двоюродный брат Черемухин Михаил Андреевич. В Горных Березниках – Жарихины. И встречи у него со своей родней частые. Что ни праздник, он

у кого-то в гостях. Чаю попьют и Орликом полюбуются.

Одним Орлик стал его беспокоить: тянется к лошадям. Придут на базар, оставить одного нельзя. Да, не дай бог, рядом маточка. Лезет к ней. Ржет на всю улицу. И отцу ничего не оставалось, как его кастрировать. Пригласили коновала. За коновалом не ездят, а ходят, и он тоже приходит пешком. К нам пришел из Румянцева, за десять верст от Ямных Березников.

Орлик скоро поправился, и у отца дело пошло. Во всех работах он впереди. Орлик, пусть и кладеной, а желание пробежаться не потерял. Плестись за клячами не мог. Отцу стоило только легко дернуть вожжой, как он тут же впереди.

Деньги, что получили от продажи Голубки, израсходовали с пользой. Отец купил срубы на амбар. Старый распилили на дрова. К дому пристроил тесовую веранду, отчего дом стал смотреться куда выгоднее, чем раньше.

После отела буренки оставил теленка. Телочка пестрой масти. Маме сказал, что будут растить смену. Мама одобрила его решение.

За эти несколько лет вырос и я. Уже не мальчишка – учусь в педагогическом техникуме и всерьез думаю о том не таком далеком будущем, в котором я стану учителем. И обращаться ко мне будут почтительно: на вы и по имени-отчеству. Все-таки мое стремление к образованию реализовывалось, но сколько для этого пришлось преодолеть преград, сколько душевных травм получили и я, и мои близкие! Это

отдельная история.

От школьной парты к учительскому столу

Школа в нашей деревне была неказиста – здание куплено у лесничества. Из хозяйственных построек. Стены потемнели, тесовая крыша покрыта зеленоватым мхом. Классная комната заставлена четырехместными черными партами. Одновременно учатся три класса. После третьего класса учеба в школе заканчивается. С этим багажом знаний и вступают в жизнь.

Меня посадили за вторую парту. В середине. Рядом со мной – незнакомая, с другого конца деревни, девчонка. Нос длинный, лобик маленький. На голове серый, давно не стираный платок. У меня к ней неприязнь, и скоро мы с ней не поладили. Я не мог простить какую-то обиду и оттащил ее за волосы.

Учительница Екатерина Федоровна вывела меня из-за парты и как нарушителя порядка поставила в угол. После же, когда я отбыл свое наказание, она посадила меня на другую парту, рядом с Колей Кирилловым. Этот паренек пришелся мне по душе. Чистенький, аккуратный, с легким румянцем на щеках. Скоро мы с ним подружились. У нас с ним был один учебник. То он приходил ко мне за книжкой, то я к нему.

Незаметно, как один день, прошли три года учебы. Настала пора оставлять школу. С трехлетним образованием вступить в большую жизнь. Кого-то это устраивало. Дальше от глаз забрасывали кошель, что ходил с нами в школу. Девчонки учились науке жизни у матерей, а мальчишки оставались рядом с отцами. Помогали им.

Мне же оставлять школу не хотелось. Жаль было расстаться не только с ее стенами, но и с Екатериной Федоровной.

Коля со мной согласился, и мы стали просить ее оставить нас еще на год. Она отнеслась к нам с вниманием. У себя в школе, конечно, не оставила, но предложила нам ходить в Горные Березники, к Елене Александровне, учиться в четвертом классе. Предложение заманчивое. Горные Березники в каких-то трех километрах от Ямных. Пересечь гору, и они как на ладони. В центре – белоснежная церковь. Чуть поодаль от нее, на пригорке, – школа, построенная земством по специальному проекту, не то что наша, приспособленная. Окна большие, в классе светло, просторно. Тут же и зеленая площадка. Можно побегать, порезвиться. Мы с Колей в восторге. Ученики приняли нас как своих, с нами дружили. Учительница Елена Александровна Дивавина, небольшого роста, с искривленным позвоночником, жила при школе с близкой родственницей. Та, по-видимому, готовила ей пищу и она же оповещала о начале и окончании уроков. Откроет дверь и только скажет: «Кончайте».

Годы учебы в моей памяти остались на всю жизнь. И Елена Александровна перед глазами. На уроках дисциплина: безукоризненная тишина. Она не кричала на нас. Видит каждого, кто и чем занят. И нельзя отвлечься от выполнения ее задания. Заметит – стыда не оберешься. Такой был ее авторитет у нас, ее учеников. Уважали ее и на селе. Если к кому-то придет, ей самое почетное место в доме.

Так окончили мы с Колей четвертый класс, и, казалось, перед нами открыт мир науки. Стоит продолжить учебу, и достигнем желаемого. Николаю хотелось быть юристом. Я хотел быть только учителем. В то время в Дальнем Константинове была школа второй ступени. Деревянное, обитое тесом здание на окраине села. И многие мальчишки уже уехали поступать. Из Ичалок (село другого района) учились будущий известный врач Кованов Альдамир Васильевич, из Ямных Березников – Катин Александр Федорович и его сестра Зоя. Оба по окончании школы второй ступени окончили вуз. Александр Федорович – инженер, Зоя – кандидат биологических наук. Работала в Киеве.

Мы с Колей заручились множеством справок, откуда мы родом. Кто родители. Какое хозяйство. У обоих – середняки. Не кулацкие отпрыски и не поповские детки. Препятствий, чтобы помешали нам переступить порог школы, не видели. Но надежды наши не оправдались. Как сейчас вижу свое заявление и на нем размашистая надпись: «Воздержаться. Директор Яковлев».

Из глаз готовы брызнуть слезы. Мама подбирает слова, чтобы поддержать меня, но с трудом их находит.

Мать моего друга Наталья Алексеевна где-то узнала, что в Арзамасе в педтехникуме недобор. И по чьему-то совету она посылает нас ехать туда. Воодушевленная, с полной уверенностью сказала: «Учителями будете! Учитель – первый человек на селе. Поезжайте и учитесь!» Она была в полной уверенности, что только в Арзамасе мы и приобретем знания, добьемся того, к чему так стремимся. Убедить нас в справедливости своих слов ей не составило труда. А мы нигде, кроме Дальнего Константинова, еще не бывали. Стали собираться в дорогу.

Мама неохотно отпускает меня. Инструктирует, как вести себя в дороге. Ехать поездом. Ее пугает такая громадина. За свою жизнь ей довелось лишь однажды ехать на нем. В памяти остались попавшие под колеса собаки. Наставительно мне говорит: «Без надобности к вагонам не подходи. Сиди на лавочке!»

Наталья Александровна ободряла нас, говорила, что эта поездка принесет нам удачу. На зависть бросившим учебу после трех классов.

Арзамас удивил нас обилием церквей. Всюду видятся купола, сияли золотом кресты храмов. Найти педагогическое училище не составило труда. Красивое двухэтажное здание знал здесь каждый. Я чувствовал небывалый душевный подъем. У друга на лице улыбка. Глаза как не его. Расши-

рились. Где было нам знать, что все наши желания тщетны. Посмотрели наши документы и равнодушно сказали: «Вы, мальчишки, не сюда пришли. Мы таких не берем! Езжайте-ка обратно домой!»

Слова «езжайте обратно домой» были для нас как удар обухом по голове. Переглянулись и не знаем, что сказать друг другу. Коля, глядя на меня, готов был разрыдаться. Я креплюсь. Но сердце колотится.

Нам ничего не оставалось, как отправиться на вокзал. Никакие примечательности Арзамаса увлечь нас не могли. Впереди родная деревня, но и она ничего не сулит нам хорошего. Дома ждут нас с хорошей вестью. А чем мы их обрадуем?! Да ничем! Одними хлопотами. Куда девать нас, неудачников? На слуху у всех только столярная мастерская в селе Симбилей. Учиться три года.

Долгое время столярной мастерской руководил пленный немец Карл Хэффер. Полюбились ему Россия. И на родину, в город Вену, не поехал. Прижился в Симбилеях. Завел семью. И занятия себе нашел. Столярная мастерская – его детище.

В народе слова «столярная мастерская» совсем не употреблялись. Хочешь сделать заказ, говори: «Надо к Карлу». Понятно всей округе.

Симбилеи от Ямных Березников в четырех километрах. И наши с Николаем родители все чаще и чаще стали говорить о Карле. Столярное ремесло – не наша с Николаем мечта. Однако деваться некуда. Нужно приобретать профессию.

Так мы оказались в мастерской. За каждым учеником закреплялся верстак, тут же неподалеку хранится инструмент: пилы, ножовки, рубанок, молотки, долота, стамески, угольник. От стука молотков в ушах шум.

* * *

Однажды приехал к нам представитель райкома комсомола Грибанов. Он рассказал нам о значении в нашей жизни Ленинского комсомола. Его приезд побудил нас вступить в эту юношескую организацию. Так с легкой руки Грибанова в училище Карла возникла комсомольская организация. На ее первом собрании меня выбрали секретарем.

Я был полон желания принять активное участие в жизни молодежи. Намечал планы, с чего начать. В селе Симбилеи большая библиотека. Начал приобщать ребят к чтению. Потом открыли драматический кружок.

На одном из семинаров секретарей комсомольской организации перед нами выступил представитель из города. Он поставил нам, молодому поколению, задачу антирелигиозной пропаганды. «Религия, – сказал он, – опиум народа. Христос – личность мифическая. Нереальная. Праздновать его воскресение – смехотворно. Верят только старухи».

Мама моя не старуха, а глубоко верующая. Каждый праздник празднует. Облачается во все нарядное и ровным шагом

идет в церковь.

Но мы, молодые, будем жить по-другому. Недаром же на селе слышатся слова песни: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног». Или другие: «Мы кузнецы, и дух наш молод, куем мы счастья ключи. Вздымайся выше, тяжкий молот, в стальную грудь сильней стучи. Мы светлый путь куем народу!..»

Подхваченные призывами этих песен да наставлением лектора из города, мы отреклись от религии. И в канун великого праздника Пасхи мы где только можно развесили объявления. Приглашаем в клуб на концерт. Перед концертом я должен сделать доклад о том, что Христа никогда не было. Буду говорить народу о вреде религии. Как же иначе?! На то я и комсомолец!

В час, назначенный в объявлении, мы все собрались в клубе. Жарко горят керосиновые лампы. Ждем. Вот-вот народ валом повалит к нам в клуб, на концерт. Я волнуюсь. Нахожу слова, с которых начну свое выступление. Хочется с первых слов увлечь слушателей. Их, правда, оказалось немного. В основном мальчишки.

Боялся упреков мамы. Она сдержалась, не кричала, не упрекала. Но взаимоотношения наши стали другие. То я был рядом с ней, а теперь она держит меня на значительном расстоянии. Чтобы оторвать маму от церкви, я и попыток не делал. Но сам больше верил не в загробную жизнь, а в ту, что мы построим сами. Новую, светлую. Сил у нас хватит...

К концу подошла учеба в столярке. Я продолжаю оставаться в стане атеистов. Церковь закрыли. Но что ни праздник, в доме по-прежнему у икон горит лампада. На столе праздничная еда.

Распрострились со столярной мастерской Карла, и перед нами вновь встал вопрос: «Что делать? Куда теперь пойти?» Одни подались в город на заработки. Мы с Николаем за ними не последовали. На наше с ним счастье, в Дальнем Константинове на базе школы второй ступени открыли педагогический техникум. И мы с ним подались в это новое учебное заведение. Никаких мудрствований с документами. Сдавай экзамены и учись. Нашему примеру последовал Гаранин Иван, в деревне почему-то его называли не иначе как только Шурка. Шурка Гаранин. Жили мы на одной квартире, недалеко от техникума. Всюду вместе. Вместе садились на одну парту, вместе в столовой. Недаром девчата прозвали нас «неразлучная тройца». Шурка им мило улыбался. Порой бросал им комплименты. Они улыбались. Но больше всех им по душе пришелся Николай. У него легкий румянец на щеках, и к его лицу очень шел серый джемпер. Немногословен. Всегда сдержан. И в учении он слыл примером. Шурка же фантазер. Он не раз говорил: «Хорошо бы после техникума всем в одной школе работать». Мне прочил должность директора. «У тебя административная, организаторская жилка», — не раз говорил он мне.

Забегая вперед, скажу, что эти наши мечты не осуществи-

лись.

Союз наш, «неразлучная троица», или, как еще называли, «триумvirат», распался. У Николая румянец на щеках оказался зловещим – признак туберкулеза. Он стремительно стал развиваться и скоро свел его в могилу. Шурка любил девушку-учительницу. Женился. Хвалился мне: «Живу во». И поднимал большой палец. Но скоро разочаровался. Жена оказалась сварливая. И он добровольно ушел в армию. Службу проходил в Могилеве. В отпуск приезжал в деревню. Мечтал стать офицером.

Дома ждали его. Считали дни. Вот он предстанет перед родней в командирской форме. Возмужавший. Все сядут за один стол. Мать напечет пирогов, пышек. По рюмочке винца пропустят. Но в тот день, когда ждали его приезда, началась война. Он даже не успел и весточки дать родителям. И не иначе как в первые же дни войны погиб. Многие погибли и из тех, с кем я учился в столярной мастерской, и в педагогическом техникуме. В «Книге памяти» нахожу их имена.

В деревне жизнь менялась. Да так быстро и круто, что порой в голове мысли путались. Не понимаешь, что хорошо, а что плохо. Правда, мы, молодежь, больше верили в хорошее.

Появилось новое слово «колхоз». Сначала казалось, это где-то далеко, но скоро дошло и до Ямных Березников. Сначала слух: крестьян объединяют в одно хозяйство: лошади, коровы будут общими. Говорят, и спать все будут под одним одеялом.

Мама на кухне печет блины. Слышно ее гроыхание сковородой. В доме запах перегоревшего масла. Разговор отца с соседом ее встревожил. Вот она вышла из-за перегородки и решительно, волевым голосом сказала:

– Правление сатаны – божья кара. На Христа петлю накиннули. Душа без Христа – Россия без царя. Сатане вольготно. Не то еще придумает. Не то. Заревем!

...В большом частном доме собрались мужики со всей деревни. За столом сидит представитель власти Пронин Николай Харитонович. Слова так и летят, где впопад, а зачастую невпопад, с прибаутками. «Ножик, вилка, два подпилка, поют, веселятся». Это его агитация за новую жизнь, за колхоз.

Первым поддался агитации Пронина Витя Кельянский. Не в порядке живет, а в кельях. Отсюда и прозвище Кельянский. Фамилия Китин значится только в документах. За ним потянулась Вера Шелякина. Вдова. И владельцы лошадей. Немного. Кулемин Савелий Ефграфович (Савва в народе) первый поднял руку.

– Я желаю!

– И я желаю! – повторил его слова Олюнин Тимофей Лазаревич.

Отец вернулся с собрания встревоженный... Перешагнул порог, шапку отряхнул от снега и приглушенно, не своим голосом изрек:

– Всё, мать! Хорошо отжили. Велят жить по-новому. Ничего своего не иметь. На дворе все хлевы поломать, а скоти-

нушку отвести в общественный двор.

– Вот, вот, так я и говорила. Божья кара на нас. За грехи наши.

Отец собрался с мыслью и твердо сказал:

– Ну уж я Орлика своего им не отдам! Он мой! Выкормленный мною! Мой и будет!

* * *

...Прошли три счастливых года в педагогическом училище. Еще четыре месяца, и я сам стану учителем.

В перерыве меж занятиями ко мне подошел наш математик Кузьма Андреевич Гридин, в которого я был почти влюблен, и грубо, чего никогда с ним не случалось, сказал, будто топором отрубил:

– Заботин, к директору!..

К директору? Зачем бы это? Мне стало не по себе. Ведь никто из нас, кроме комсомольского секретаря Федя Кузнецова, в кабинете директора никогда не бывал. А тут я да еще по вызову!..

Когда я переступаю порог кабинета, Николай Алексеевич во френче, походившем на сталинский, сидел за столом.

Мнусь у порога, Николай Алексеевич сам подходит ко мне и говорит:

– Твои родители все еще не в колхозе, так?..

Хрипло выдавливаю из себя:

– Да, не колхозники...

Николай Алексеевич, снова полоснув меня взглядом, командует:

– В этот выходной езжай домой. Срочно оформи вступление. Ты меня понял? Иначе окончить училище не дадим!

Что я мог возразить? Я понимал – выполнить это не просто: отец будет сопротивляться. Как убедить его? Что надо сделать, чтобы он запряг Орлика и сам, по доброй воле отвел своего любимца в колхоз?

В небывалых душевных муках прошли два дня. Я торопил время, а оно как будто остановилось... Наконец, как заведено, в субботу отец приехал за мной. Вначале он более часа ходил по базару. В шорном ряду на глаза ему попалась уздечка, нарядная, украшенная бляшками. Уздечка у нас есть, но без бляшек, и вот захотелось ему новую, не удержался – купил:

– Орлик в ней как парень под венцом будет!..

Известно, апрель – самое бездорожье. Мы едем шагом. Я сажу рядом с отцом, который почему-то особенно словоохотлив и рассказывает о своих планах на будущее.

По приезде домой первой поведал свою боль маме, которая тут же сникла, запричитала, ибо всею душою почувствовала: надвигается буря. Мама хорошо знала, что отец всполошится, начнется ругань, а она смертельно устала от перепалок с ним.

За ужином она сказала отцу:

– Вот что, хозяин, выбирай одно из двух: или сыну быть учителем, или, как нам, без разгибу в земле копать!

Отец изумился:

– Что? Что ты говоришь?!

– А то и говорю. Вступай в колхоз, вот что. Сына нашего учить не хотят, говорят: учим только детей колхозников. Вот и гляди, не вступим завтра, в понедельник ему в Константинове делать нечего.

Отец бросает на меня растерянный взгляд:

– Правда? Так и сказали?..

Гляжу на отца – и жалко его до слез, в лице изменился, губы дрожат, сутулитесь, будто в лавку вращает. Обедать не стал, швырнул ложку, вышел из-за стола, ходит взад-вперед по избе, кроет почем зря директора училища. Хочет что-то сказать и мать, а горло пересохло, и она сидит как немая.

«Заварил я кашу, – начинаю себя клясть, – а расхлебывать всей семье!» Несмотря на поздний час, отец куда-то уходит, потом возвращается. Я лежу в постели, но глаз сомкнуть не могу, и чудится мне, что в понедельник в Константиново мне не ехать, мечта моя рухнула навсегда... слышу, мама опять отцу говорит:

– Не упрямясь! Вступай! Родному сыну дорогу переходишь. Подумал бы!..

Тот тягостно молчит, а мама продолжает:

– Учиться-то осталось – плевое дело. Полгода – и в люди

выйдет!

Вижу, отец обмяк, то на меня посмотрит, то на маму, сидит за столом, молчит, руки безвольно опущены. Наконец вздыхает и обреченно говорит.

– Давайте вступать. Сыну я не лиходей...

Я хочу встать – и не решаюсь, притворяюсь спящим. Завтра мы будем членами колхоза. Значит, в понедельник я снова сяду за парту!.. А вдруг передумает?

К счастью, утром отец слово держит. Правда, забыл умыться и на иконы перекреститься – маме сказал, что ему нездоровится. Залез на печь, головой в темный угол, лежит и голоса не подает. Понятное дело, я в растерянности: ведь ехать в контору, а отец, как мертвец, недвижим, одни лишь его старые сапоги видны.

На увещевания мамы отец глухим голосом отзывается:

– Пусть запрягает Орлика!

Трясущимися руками я торопливо запрягаю и слышу – отец кричит:

– Уздечку, новую уздечку не бери! Оставь ее, слышишь?

Конечно, слышу, а сам с внутренним ликованием отворяю ворота...

Когда, грязный и усталый, я пришел в Константиново, был уже конец первого урока. Встретил директора.

– Ну как? – строго спрашивает он.

– Колхозники мы, Николай Алексеевич, колхозники!

Простите, опоздал, пешком шел, обсушиться бы...

Я ждал сочувствия, но директор только нахмурил брови и с упреком ко мне:

– Комсомольцу жаловаться!?! Непристойно, непристойно! Комсомол всегда идет навстречу трудностям.

Я краснею как рак, не знаю, что сказать в свое оправдание. А он все не отпускает меня...

К началу весенне-посевной кампании в деревне не осталось ни одного единоличного хозяйства. Всю землю обобществили, в поле ни полосы, ни межи – сплошной массив...

Прошло два года. Жизнь в Ямных Березниках изменилась. Организовали колхоз «Агитатор», и так по всей округе. Что ни деревня – колхоз. А названия-то какие! «Рассвет», «Агитатор», «Новый мир», «Правда», «Победа». Одно громче и выразительнее другого.

Я учительствую в деревне Лапшиха, дома бываю редко. Из газет знаю, что в области набирает размах новый смерч: аресты! Все чаще появляются сообщения о самоубийствах. В верхах сплошные враги народа! Однако я не слишком этим обеспокоен: раз сажают, значит, надо. Меня это не касается.

Правда, весной, незадолго до конца занятий, меня срочно требуют в роно. Как всегда, смело захожу в кабинет заведующей и... не узнаю ее – чистая буря! На мое приветствие не отвечает и только бурчит: «Явился!» Да, говорю, Анастасия Петровна, явился. И понимаю, что разговор с ней добром для меня не кончится. И не ошибся. Обрушилась на меня заведующая: молодой учитель, комсомолец, поборник атеиз-

ма, а на деле содействую укреплению религии. Говорит запальчиво, слова как из пулемета летят, мне рта не дает открыть. Грозит снять с работы: оказывается, у мамы по праздникам собираются верующие и молятся. Благо дом большой, просторный, икон в нем полный киот. Кто-то донес об этом в райком.

Вот и бушует завроно, кричит, топает ногами: «Не быть тебе учителем. Сниму. Уволю!» Я прижат к стенке, признаюсь, что недоглядел, всю зиму дома не был.

...Мой запрет собираться в нашем доме потряс всю деревню – виноватым остался я. Правда, скоро об этом забыли, другая, куда более крутая напасть нахлынула на Ямные Березники: как-то ночью тайком от людских глаз к дому Никандра Васильевича Кириллова подкатил «воронок». Хозяйина дома усадили в машину и увезли. Куда? Зачем? За что?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.